

романного жанра. «Я вам ручаюсь, что конец [приключения] несчастливым будет, — говорит Марья своей хозяйке Елизавете. — Возможно ли, чтоб кто, читавши столько романов, как мы, не мог сам роман сочинить?» (30).

При этом в немецком тексте литературно-театральную метафору романа или комедии развивают все без исключения действующие лица, обращаясь к традиционным общим местам рыцарских романов. Вагнер говорит другу, что его встречи с таинственной незнакомкой — «настоящий роман» (278), а при встрече с мнимым домовым изображает из себя «рыцаря»: «Постойте-ка, прекрасная волшебница, как видите, я странствующий рыцарь, который ваше искусство предает позору» (317). Даже брат героини раскрывает ее тайну словами: «Вот ваша Дульсинея, ваша волшебница, ваше привидение» (348).

В русской пьесе не остается ни одной аллюзии на рыцарский жанр: все они заменяются на упоминания о сказочном волшебстве или колдовстве. Однако идея об особом типе «романного» поведения остается. Когда речь идет о любви, дама и ее служанка поступают как героини из романов и, главное, ощущают себя таковыми. Подобная ситуация вполне отражала особенность, присущую жизни русского общества второй половины XVIII и в значительной степени начала XIX вв.: российского читателя захлестнула волна переводных романов, основной темой которых была любовь. Иностранские сочинения заполнили культурную лакуну национального *ars amandi*, став «своего рода учебником для светского общества, призванным воспитывать достоинство и обходительность в поведении, изящество и убедительность в словах»; в целом, выполняя роль «кодифицированной риторики любовного поведения».³⁸

В отличие от комедии Кальдерона, где почти вся инициатива в создании и реализации интриги принадлежит донье Анхеле, теперь практически все ее нити находятся в руках служанки, которая поражает своей активностью. Марья не только в нескольких случаях насмерть пугает Ивана и привлекает к участию в «спектакле» собственного брата, но и готова дать совет и наставление своей хозяйке в любой ситуации: «Что вы должны делать, — комедию к окончанию привести, и позволить любви то совершить, что от нее начато» (37). Если Елизавета говорит, что хочет увидеться со Здравосудовым, служанка указывает ей должный спо-

³⁸ Сазонова Л. И. Переводной роман в России XVIII века как *ars amandi* // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 131, 136. В том же 1780 г., когда вышел «Домовой», в университетской типографии Н. Новикова в Москве была издана «Библиотека немецких романов», переведенная «с берлинского 1778 года издания» Василием Левшиным. «Библиотека» состояла из трех частей, причем «рыцарские романы занимают большую часть всех трех томов сборника» (Шкловский В. Чулков и Левшин. Л., 1933. С. 155).